

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

PROCEDURAL LAW. PROSECUTOR SUPERVISION

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-171-191>

Научная статья

Уголовно-правовой механизм возмещения вреда, причиненного преступлением: законодательная регламентация и практика

Н.Ю. Скрипченко¹✉, С.В. Анощенко²✉

¹Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Российская Федерация

²Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Российская Федерация

✉n.skripchenko@narfu.ru

Аннотация. *Актуальность исследования.* Отводя компенсационным действиям место то в системе мер принуждения, то в арсенале стимулирующих, законодатель пошел по пути усиления частных интересов, расширяя основания освобождения от уголовной ответственности, снижая требования к посткриминальному поведению обвиняемого. Выявленная законодательная трансформация реституционных действий виновного заложила основу для переоценки правоприменителем их содержания. Признав обязательным исключительно личное участия нарушителя в возмещении ущерба, а также переведа «заглаживание вреда» из числа определенных дефиниций в оценочные, Пленум Верховного Суда заложил основу для формирования практики в новом направлении, изучение которой составляет *цель исследования.* *Результаты исследования.* Критически оценивая формирующуюся практику, авторы поднимают вопросы оправданности освобождения виновных, лично ничего не сделавших для государственного прощения, а также обоснованности отнесения судами к заглаживанию вреда, действий, далеких от компенсационных. В работе обосновывается вывод о том, что исключительно судебское усмотрение в определении заглаживания вреда таит не только коррупционные риски, но и угрожает единообразному применению закона. Накопленный опыт не позволяет выработать универсальные критерии, позволяющие определить не только достаточные, но и минимально необходимые действия виновного для заглаживания вреда, причиненного преступлением, посягающим на публичные интересы. Оперативному устранению дефектного правоприменения могут способствовать разъяснения Пленума

© Скрипченко Н.Ю., Анощенко С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Верховного Суда, исключаящие признание в качестве компенсационных, действия виновного по прекращению криминального посягательства, а также образующие по содержанию деятельное раскаяние. *Методологическую основу* составляют общенаучные (анализ и синтез, диалектика) и частнонаучные методы исследования (историко-правовой, системно-структурный, формально-юридический).

Ключевые слова: возмещение вреда, ущерб, преступление, компенсация, освобождение от уголовной ответственности; позитивное посткриминальное поведение, наказание

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: нераздельное соавторство.

Дата поступления в редакцию: 08 июля 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2022 г.

Для цитирования:

Скрипченко Н.Ю., Анощенко С.В. Уголовно-правовой механизм возмещения вреда, причиненного преступлением: законодательная регламентация и практика // RUDN Journal of Law. 2022. Т. 26. № 1. С. 171—191. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-171-191>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-171-191>

Research Article

Criminal law mechanism of compensation for harm caused by crime: trends in legislative regulation and practical implementation

Nina Yu. Skripchenko¹ , Svetlana V. Anoshchenkova²

¹Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation

²Criminalistics and Criminology of the National Research Mordovian State University
named after N.P. Ogareva, Saransk, Russian Federation
 n.skripchenko@narfu.ru

Abstract. *The relevance of research.* Allocating compensatory actions a place either in the system of coercive measures or in the arsenal of stimulating measures, the legislator took the path of strengthening private interests, expanding the grounds for exemption from criminal liability, and reducing the requirements for post-crime behavior of the accused. The revealed legislative transformation of the restorative actions of the guilty party laid the foundation for the reevaluation of their content by a law enforcement officer. By recognizing as optional the solely personal participation of the offender in compensation for damage, as well as transferring “redressing of harm” from certain definitions to evaluative ones, the Plenary Session of the Supreme Court laid the foundation for forming practice in a new direction, the study of which is the *purpose of this article*. *Research results.* Critically assessing the emerging practice, the authors raise the questions of justification for the release of those guilty, who personally did nothing for the state forgiveness, as well as justification for courts to refer to mitigation of harm, actions being far from compensatory. The paper substantiates the conclusion that the solely judicial discretion in determining the redress of harm conceals not only corruption risks, but also threatens the uniform application of the law. The accumulated experience does not allow development of universal criteria that allow to determine not only sufficient, but also the minimum necessary actions of the perpetrator to smooth down the harm caused by a crime infringing on public interests. The Plenum of the

Supreme Court clarifications, which exclude recognition as compensatory actions of the guilty party to terminate the criminal offense, and also form active repentance in content, can facilitate the prompt elimination of defective law enforcement. *The methodological basis* is formed by general scientific (analysis, synthesis, and dialectics) and special scientific research methods (historical and legal, systemic and structural, formal and legal).

Key words: compensation for harm, damage, crime, compensation, exemption from criminal liability, positive post-crime behavior, punishment

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

The participation of the authors: inseparable co-authorship.

Article received 8th July 2021

Article accepted 15th January 2022

For citation:

Skripchenko, N.Yu., Anoshchenkova, S.V. (2022) Criminal law mechanism of compensation for harm caused by crime: trends in legislative regulation and practical implementation. *RUDN Journal of Law*. 26 (1), 171—191. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-1-171-191>

Введение

Вопросы возмещения вреда, причиненного преступным деянием, находят нормативное разрешение начиная с первых актов отечественного права, учитывающих частные интересы наравне с публичными. Со временем уголовное законодательство пошло по пути усиления публичных начал и расширения репрессивных мер, что повлекло сокращение восстановительного содержания. Однако и реализуемая на протяжении не одной сотни лет концепция «преступление — наказание» исчерпала себя, доказав, что исключительно карательный подход к решению проблемы борьбы с преступностью неэффективен ни экономически, ни социально.

Опираясь на апробированный за рубежом опыт индивидуализации мер государственного принуждения, внедрения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, применения различных мер восстановительного, ресоциализационного и реабилитационного характера, медиативных практик (Feld, 1990: 443—466; Tulkens, 1993: 220; Severson, 1995: 683—691; Bazemore & Schiff, 1996: 311—334; Mallet, 2018: 363—385; Lanterman, 2019: 544—562; Yankah, 2020: 74—112; Gal & Dancig-Rosenberg, 2020: 139—166; Golovko, 2002), российский законодатель пошел по пути гуманизации, ставя во главу угла интересы потерпевших от криминальных посягательств. Наиболее широко восстановительно-компенсационное направление прослеживается в реформировании УК РФ последних лет. Так, в 2011 г. уголовный закон был дополнен¹ ст. 76¹, предусматривающей возмещение ущерба и денежное возмещение в федеральный бюджет в качестве обязательных условий прекращения уголовного преследования, а в результате неоднократного редактирования

---

¹ Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

указанной нормы, ее название отражает исключительно восстановительную природу². В 2016 г.³ перечень освобождающих норм был дополнен ст. 76² УК РФ, обремененной исключительно условием возмещения ущерба или иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда. Снижение требовательности компенсируется фискальным содержанием новых норм, предусматривающих выплату денежного возмещения в качестве основания освобождения виновного от ответственности (ст. 76¹ УК РФ) или судебного штрафа, как гарантии окончательности решения о прекращении уголовного преследования (ст. ст. 76², 104⁴, 104⁵ УК РФ).

Расширение освобождающих норм вызвало неоднозначную реакцию в доктрине уголовного права. Одни ученые поддержали стремление законодателя сократить репрессивность уголовного закона, заложить предпосылки для положительных изменений в социальной структуре общества, обеспечить интересы пострадавшей стороны (Antonov, 2013: 20—25; Vetoshkin, 2017: 152—158; Khlebnitsyna, 2017: 33—36), другие критически оценили технико-юридическое оформление и содержание новых норм, внесших дисбаланс в базовые уголовно-правовые институты «наказание» и «освобождение от уголовной ответственности» (Lopashenko, 2017: 84—93; Anoschenkova, 2017: 114—125; Kostroma, 2017: 73—79; Kaufman, 2021: 143—156), третьи – поставили под сомнение либеральный характер заявленных инициатором реформ (Zvecharovsky, 2016: 98—101; Skripchenko, 2017: 106—114; Stepanova & Sokolova, 2017: 74—79; Abashina & Minakov, 2018: 266—274). Ряд специалистов определили новые положения закона как «плохо завуалированный государственный рэкет» (Soloviev & Knyazkov, 2012: 80), «сведение разрешения уголовно-правового конфликта до уровня контрактных обязательств» (Makarova, 2015:116). Определяя анализируемые изменения как экстенсивное направление развития уголовного законодательства, отдельные ученые обратили внимание на то, что резервы гуманизации уголовной политики и права посредством модернизации института освобождения от уголовной ответственности исчерпаны, так как расширение спектра оснований прекращения уголовного преследования влечет трансформацию структуры освобождения от уголовной ответственности, но не объемов (Pudovochkin, 2020: 582—583).

Значительные фискальные обременения ст. 76¹ УК РФ заблокировали ее практическую реализацию, в отличие от ст. 76² УК РФ, оказавшейся востребованной на практике (табл. 1).

² Содержание статьи 76¹ УК РФ изменялось на основании Федеральных законов от 03.07.2016 № 325-ФЗ, от 27.12.2018 № 533-ФЗ, от 27.12.2019 № 500-ФЗ, от 01.04.2020 № 73-ФЗ, от 11.06.2021 № 215-ФЗ. Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ законодатель расширил круг составов преступлений, охватываемых статьи 76¹ УК РФ (включив в него отдельные преступления против конституционных прав и свобод и ряд составов против собственности) и изменил название на «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба».

³ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

Таблица 1

Число лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено по основаниям, предусмотренным статьями 76¹, 76² УК РФ с 2016 по 2020 гг.

Сведения, абсолютные данные (удельный вес)	Год				
	2016	2017	2018	2019	2020
Статья 76¹ УК Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба	40 (близко к 0%)	39 (близко к 0%)	31 (близко к 0%)	62 (близко к 0%)	59 (близко к 0%)
Статья 76² УК Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа	—	20.692 (11,0%)	33.329 (17,5%)	52.460 (29,1%)	56.976 (32,4%)

Использованы данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Сводный отчет статистических данных о состоянии судимости за 2016, 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. Форма № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел». Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Режим доступа: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.05.2021).

Table 1

The number of persons in respect of whom the criminal prosecution was terminated on the grounds provided for by Articles 76.1, 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, 2016—2020

Intelligence, absolute data (specific gravity)	Year				
	2016	2017	2018	2019	2020
Article 76.1 of the Criminal Code Exemption from criminal liability in connection with compensation for damage	40 (close to 0%)	39 (close to 0%)	31 (close to 0%)	62 (close to 0%)	59 (close to 0%)
Article 76.2 of the Criminal Code Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine	—	20.692 (11,0%)	33.329 (17,5%)	52.460 (29,1%)	56.976 (32,4%)

The data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation were used. Consolidated report of statistical data on the state of criminal records for 2016, 2017, 2018, 2019 and 2020. Form No. 10.2 “Report on the specifics of the consideration of criminal cases, the application of real types of punishment and the grounds for the termination of criminal cases.” Site of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.cdcp.ru/index.php?id=79> [Accessed 20th May 2021].

При этом стимулировал действие новой нормы Верховный Суд РФ (инициатор ее закрепления), не только оперативно реагируя на вопросы, возникшие при прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным ст. 76² УК РФ⁴, но и корректируя свою позицию в части определения «заглаживания вреда, причиненного преступлением», внося соответствующие изменения и дополнения в практикоформирующий акт⁵.

⁴ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76² УК РФ), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12.

⁵ Пленум Верховного Суда РФ Постановлениями от 15 ноября 2016 г. № 48 и от 29 ноября 2016 г. № 56 внес изменения и дополнения в Постановление от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее по тексту — Постановление от 27 июня 2013 г. № 19) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

Применяемые на уровне государства меры не снимают остроты проблемы, так как наметившееся в последние годы официальное снижение уровня преступности⁶ сопровождается ростом объемов причиненного ущерба (преимущественно за счет увеличения дистанционных мошеннических операций)⁷, а учитывая, что реальное возмещение вреда, причиненного криминальным деянием, составляет менее 21% (Boyarskaya, 2018:155; Karabanova & Tsepelev, 2016:24—27), потребность изучения резервов уголовно-правового механизма возмещения вреда не утрачивает актуальности. Накопленный опыт применения компенсационных нормы позволяет аккумулировать значительный эмпирический материал, анализ которого дает основание для системно-структурных и формально-догматических выводов.

Исследование базируется на результатах изучения 350 постановлений о прекращении уголовных дел, вынесенных судами Российской Федерации в 2017—2020 гг. (документы размещены в открытом доступе на сайте <https://sudact.ru/regular/>).

Исторические предпосылки законодательного закрепления норм об освобождении от уголовной ответственности при условии возмещения вреда, причиненного преступлением

Имущественные взыскания с виновного всегда сопровождали нарушение охраняемых интересов, находя отражение в текстах первых памятниках древнерусского права. Базируясь на принципе талиона, репарационные санкции изначально были ориентированы не столько на возмездие и компенсацию причиненного вреда, сколько на вознаграждения мстителям за утраченное ими право кровной мести. Так, Договором с Византией 911 г. закреплялось ряд норм, предусматривающих взыскание с виновного (в случае его бегства или смерти с его родни) средств в пользу пострадавшего (семьи убитого). Например, ст. 4 Договора устанавливала: «Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которая полагается ему по закону, пусть возьмет родственник убитого...»⁸.

Относя к криминальным деяниям только те, которые причиняют вред конкретному человеку (физический, моральный или материальный), Русская Правда определяла преступление как «обиду», предусматривая за нее и физические, и имущественные наказания, часть из которых носила компенсационный характер. Например, убийство или тяжкое увечье свободных людей и лиц княжеской администрации карались «вирой» и «головничеством», а основная масса других преступлений — «продажей» и «уроком». «Вирь» и «продажи» представляли собой денежные взыскания с виновного или общины, к которой он принадлежал

⁶ В 2016 г. зафиксировано снижение удельного веса зарегистрированных преступлений на 9,6 %, в 2017 г. — на 4,7 %, в 2018 г. — на 3,3 %, в 2019 г. — на 1,6 %, в 2020 г. произошел рост на 1,0 %. См.: Портал правовой статистики. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart. (дата обращения 07.07.2021).

⁷ По данным МВД общий ущерб от преступности в стране по итогам 2019 г. составил 627,7 млрд руб., превышая на 11,5% аналогичный показатель 2018 г. Официальный сайт МВД РФ. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения 07.07.2021).

⁸ Договор Руси с Византией 911 г. // Российское военно-историческое общество. Режим доступа: <https://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/> (дата обращения 07.07.2021).

(«дикая вира»), в пользу князя как представителя высшей власти, а «головничество» и «урок» — в пользу семьи убитого или потерпевшего (Chistyakov (ed.), 2001:72-73). Не нося в указанный период исключительно компенсационной роли, финансовые обременения «обидчика» заложили основу для формирования имущественных наказаний, ставших со временем одной из распространенных форм государственного реагирования на нарушения запретов.

Формирование централизованного государства, сословно-представительной монархии, абсолютизма и становление Российской империи определили переход правосудия в руки центральной власти и трансформацию понятия преступления, а с ним целей и системы уголовных наказаний, изменился подход и к интересам пострадавшей стороны. В соответствии с Судебником 1497 г. преступление определялось как нарушение указа, а преследование виновных стало обязанностью органов государства (Chistyakov, (ed.), 1984:394). Наказание же, ранее выполняющее роль пополнения казны и ориентированное на компенсацию причиненного вреда, было переориентировано на другой интерес — устроить потенциальных нарушителей. Характеризуя законодательство означенного периода, М.Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что требования истца уступают требованиям уголовного закона (Chistyakov, (ed.), 1984:405). Так, ст. 39 «Указ о ворах» Судебника 1497 г. определяла: «Если обвиненный в воровстве, разбое, убийстве, злостной клевете или в ином каком лихом деле окажется ведомым лихим человеком, он карается смертной казнью, а из его имущества удовлетворяются убытки, понесенные истцом. Оставшаяся часть имущества поступает наместнику и его тиуну. При отсутствии у обвиненного имущества для удовлетворения убытков, понесенных истцом, он не может быть выдан стороне до обработки или выплаты долга, а должен караться смертной казнью».

Лицо, признанное по итогам судебного поединка виновным в поджоге, убийстве, разбое или воровстве, обязано было выплатить требуемые другой стороной поединка суммы иска и пошлину: «окольничему полтина и доспехи, дыяку четверть, а недельщику полтина и за скрепление сделки сторон о поединке или за организацию его 4 алтына» (ст. 7 Судебника).

Уничтожение межевых знаков, перепашка (покос) чужих земель, карались битьем кнута и взысканием рубля в пользу истца при посягательствах на земли великого князя, боярина или монастыря. Аналогичные действия в отношении крестьянских земель влекли наложение штрафа и взыскание с виновного «вознаграждение в пользу потерпевшего от перепашки», размер которого зависел от личности пострадавшего и количества перепашанного (ст. 62 Судебника).

Отсутствие в указанный период межотраслевой дифференциации определяло интегрированный характер имущественных санкций, которые выполняли и карательную роль, и покрывали судебные издержки, и компенсировали вред, причиненный пострадавшей стороне.

Первое упоминание о добровольном возмещении виновным вреда, причиненного преступным деянием, содержится в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Среди обстоятельств, «в большей или меньшей мере уменьшающих вину, а с тем вместе и строгость следующего за оную наказания», предусмотренных в ст. 140 Уложения, законодатель закрепил такое позитивное

посткриминальное поведение виновного как «...по содеянии преступления старался по крайней мере отворотить хотя некоторые из вредных одного последствий и вознаградить причиненные оным зло или убыток» (Chistyakov (ed.), 1988:174).

По отдельным категориям дел «добровольная уплата пени и вознаграждения» являлось одним из условий прекращения производства по уголовному делу. Так, в соответствии со ст. 20¹ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (в ред. 1895 г.) обвиняемый в незаконной рубке в казенном или частном лесу мог быть освобожден от уголовного преследования, если: 1) совершенное деяние наказывалось только денежным взысканием; 2) виновный выплатил «пени и вознаграждения в высшем размере, определенном в законе»; 3) собственнику возвращен самовольно срубленной лес или стоимость одного (Tagantsev, 1994: 336).

Раздел Уложения «О вознаграждении за убытки, вред и обиды» (Отделение второе, ст.ст. 62—66) устанавливал компенсационные выплаты «сверх наказания», размер которых определялся постановлением суда (ст. 62 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных).

Советское уголовное законодательство вернулось к репрессивному содержанию реституционных действий виновного, отводя им место в системе наказаний, а с 1926 г. — мер «социальной защиты судебно-исправительного характера». Так, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. к числу наказаний относили «восстановление, а при невозможности его — возмещение причиненного ущерба» (п. «е» ч. 2 ст. 25) (Shargorodsky, 2003: 320—321), УК РСФСР 1922 г. — «обязанность загладить причиненный вред» (п. «к» ст. 32), УК РСФСР 1926 г. — «возложение обязанности загладить причиненный вред» (п. «и» ст. 20). Соответствующая обязанность могла быть возложена на виновного при условии, «...если суд признает целесообразным, чтобы сам, именно, осужденный устранил последствия совершенного им правонарушения или причиненного потерпевшему ущерба» (п. «к» ст. 32 УК РСФСР 1922 г., ст. 44 УК РСФСР 1926 г.). При этом признавалась недопустимой оценка вреда, причиненного чести и достоинству советского гражданина в деньгах (Gertsenzon, Durmanov, Isayev & Man'kovskiy et al., 1938:367).

Более широко использовал законодатель уголовно-правовые средства для восстановления нарушенных прав в нормах УК РСФСР 1960 г. С одной стороны, закрепляя соответствующую форму позитивного посткриминального поведения виновного в перечне обстоятельств, смягчающих ответственность (п. 1 ст. 38 УК РСФСР), законодатель стимулировал добровольное и полное возмещение вреда, причиненного преступлением, а с другой — обеспечивал его мерами государственного принуждения, определяя в системе наказания (п. 8 ст. 21 УК РСФСР: возложение обязанности загладить причиненный вред) и санкциях статей, предусматривающих ответственность за клевету (ст. 130 УК РСФСР), оскорбление (ст. 131 УК РСФСР), умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. ст. 98, 149 УК РСФСР).

Форма исполнения указанного вида наказания зависела от характера и размера причиненного вреда (ст. 32 УК РСФСР). Если ущерб мог быть возмещен действиями виновного, суд возлагал на осужденного обязанность устранить вред своими силами; имущественный ущерб на сумму, не превышающую 500 рублей,

возмещался за счет средств подсудимого; при посягательстве на честь и достоинство личности либо нарушение правил социалистического общежития (при отсутствии материального ущерба) нарушитель должен был публично извиниться перед потерпевшим или членами соответствующего коллектива.

В ситуации, когда осужденный в установленный срок не выполнял возложенные обязанности, суд мог заменить указанный вид наказания на исправительные работы, штраф или увольнение от должности; вред же взыскивался в порядке гражданского производства, равно как и криминальный ущерб, превышающий 500 рублей (ч. 5 ст. 32 УК РСФСР).

Высшая судебная инстанция «... в целях наиболее полной реализации принципа дифференцированного подхода к назначению наказаний...» ориентировала правоприменителя на реализацию положений ст. 32 УК РСФСР (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 декабря 1989 г. «О практике назначения наказаний, не связанных с лишением свободы»⁹). Эпизодическое же назначение указанного вида наказания, а также двойственность его юридической природы актуализировали предложения по его исключению из числа мер государственного принуждения (Zubkov (ed.), 1997:310).

Похожие по содержанию меры порицания применялись и в отношении несовершеннолетних, но определены они были в системе принудительных мер воспитательного характера. При этом обязанность принести извинение потерпевшему публично (или в иной определенной судом форме) (п. 1 ст. 63 УК РСФСР) могла быть возложена на всех подростков, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, наказание которых суд сочтет нецелесообразным, а обязанность возместить материальный ущерб (своим трудом или за счет самостоятельно заработанных средств) — только на несовершеннолетних, достигших пятнадцати лет, при условии, что ущерб не превышал 50 рублей (п. 4 ст. 63 УК РСФСР).

Компенсационные действия нарушителя запретов в механизме современного уголовно-правового регулирования

Современное уголовно-правовое регулирование возмещения вреда, причиненного преступлением, значительно отличается от ранее действовавшего. Не включив возложение обязанности загладить причиненный вред в систему наказаний (ст. 44 УК РФ), сохранив ее только в перечне принудительных мер воспитательного воздействия, без каких-либо ограничений (п. «в» ч. 2 ст. 90 УК РФ), законодатель отвел компенсационным действиям виновного место в системе поощряющих норм, арсенал которых существенно расширил. Так, «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причинных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного преступлением» не только учитывается судом при назначении наказания в качестве смягчающего обстоятельства (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), но и ограничивают пределы максимального срока наказания (ст. 62 УК РФ), расширяют

⁹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 3.

возможности в части назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ). Частные интересы имеют приоритетное значение и при решении вопроса о конфискации имущества осужденного (ст. 104³ УК РФ).

Стремление законодателя обеспечить права потерпевшего от преступления в части возмещения причиненного ему вреда, находит отражение в поступательном реформировании УК РФ. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ¹⁰ редактированию, в части стимулирования возмещения обвиняемым причиненного вреда, подверглись нормы, регулирующие отмену условного осуждения, освобождение от наказания, снятие судимости (ст. ст. 74, 79, 80, 86 УК РФ).

Наиболее широко частно-правовые интересы реализованы в статьях, определяющих основания и условия освобождения от уголовной ответственности. Законодатель не только насытил их положениями, обязывающими правоприменителя учитывать мнение потерпевшей стороны при решении вопроса об уголовном преследовании виновного лица (ст. ст. 75, 76 УК РФ), но и пошел по пути расширения освобождающих норм, ориентированных на компенсацию причиненного вреда. Так, в 2011 г. УК РФ был дополнен ст. 76¹, предусматривающей возмещение ущерба и денежное возмещение в федеральный бюджет (в размере двукратной¹¹ суммы причиненного ущерба, полученного дохода, убытков, которые удалось избежать в результате совершения преступления) в качестве обязательных условий прекращения уголовного преследования¹², а пополнившая в 2016 г. УК РФ ст. 76² обременена исключительно условием возмещения ущерба или иным образом заглаживания причиненного преступлением вреда. Снижение требовательности компенсируется фискальным содержанием новых норм, предусматривающих выплату денежного возмещения в качестве основания освобождения виновного от ответственности (ст. 76¹ УК РФ) или судебного штрафа, как гарантии окончательности решения о прекращении уголовного преследования (ст. ст. 76², 104⁴, 104⁵ УК РФ).

В последние годы по инициативе Верховного Суда РФ неоднократно¹³ поднимался вопрос о необходимости расширения арсенала освобождающих норм,

---

¹⁰ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6997.

¹¹ До изменений, внесенных Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» размер в денежного возмещения составлял пятикратную сумму причиненного ущерба, полученного дохода, убытков, которые удалось избежать в результате совершения преступления.

¹² Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ законодатель расширил круг составов преступлений, охватываемых ст. 76¹ УК РФ (включив в него отдельные преступления против конституционных прав и свобод и ряд составов против собственности) и изменил название на «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба».

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка». Режим доступа: <http://www.suprcourt.ru>; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный

обеспечивающих соблюдение баланса частных и публичных интересов: потерпевших, нарушенные права которых восстанавливаются посредством возмещения ущерба; государства, экономящего расходы на уголовном судопроизводстве и общества, обретающего дополнительные предпосылки для положительных изменений в социальной структуре за счет значительного сокращения лиц, имеющих судимость.

Оценивая усиление частно-правовых начал в сугубо публичной отрасли права, как принципиально новый концептуальный поворот в отечественной уголовной политике, отдельные ученые поднимают вопрос о расширении функций уголовного права, относя к ним восстановительно-компенсационную (Anoshchenkova, 2014:56—66). Поступательное изменение уголовно-правового значения компенсационных действий нарушителя запретов, от карательного к стимулирующему не только обеспечивает восстановление нарушенных криминальным деянием прав и законных интересов, но и создает условия для более глубокой дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Расширительное судебное толкование заглаживания вреда, причиненного преступлением

Выявленная законодательная трансформация уголовно-правового значения реституционных действий виновного заложила основу для переоценки правоприменителем их содержания. Так, перевод «возмещения ущерба» из числа мер государственного принуждения в форму поощрения, определил признание на практике необязательным исключительно личного участия нарушителя в заглаживании вреда¹⁴. Правильность такой позиции подтверждена и Пленумом Верховного Суда РФ, допускающим применение статей 75—76² УК РФ и в случаях возмещения вреда третьими лицами, если виновный не имеет реальной возможности выполнить указанные действия (п. 3 Постановления от 27 июня 2013 г. № 19).

Критически оценивая столь широкое судебное видение одного из ключевых понятий, отдельные представители уголовно-правовой науки не только задаются справедливым вопросом об обоснованности «получения самой большой по меркам уголовного права льготы в виде освобождения от уголовной ответственности» виновным (зачастую получившему материальную выгоду от криминального деяния), лично ничего не сделавшему для государственного прощения, но и ставят под сомнение реализацию задачи предупреждения преступлений (ст. 2 УК РФ) (Kostrova, 2017:73). Дополнительно следует отметить, что отступление от персонифицированного возмещения вреда, причиненного криминальным деянием, таит угрозу распространения фактов уклонения от

кодексе РФ в связи с введением понятия уголовного проступка». Режим доступа: <http://www.supcourt.ru>. (дата обращения 07.07.2021).

¹⁴ См., например: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14 октября 2008 г. № 48-О08-77 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Октябрьского районного суда г. Орска от 10 марта 2015 г. // База судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты РФ». Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/XXdaYE6EA1LO/> (дата обращения: 24.11.2020).

государственного порицания лиц, представляющих общественную опасность. Например, заявленный подход исключает вопросы (от правоохранительных органов) об источниках средств, выплаченных в качестве возмещения ущерба (зачастую исчисляемого сотнями тысяч рублей), лицами, не имеющими постоянного дохода, привлеченными к уголовной ответственности за производство и сбыт фальсифицированной алкогольной продукции (ст. 171¹ УК РФ), оборот контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий (ст. ст. 235¹, 238¹ УК РФ), незаконную добычу водных биологических ресурсов (ст. 258 УК РФ), незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и др. Возместив причинный ущерб, лица, организовавшие и руководившие соответствующей преступной деятельностью, не только «выведут» из сферы уголовных правоотношений исполнителей, но и уклонятся от уголовной ответственности.

Изменил правоприменитель и подход к определению форм заглаживания вреда. Так, сориентировав в п. п. 6 и 10 Постановления 2013 г. № 19 органы предварительного расследования и суды, на ставшие привычными способы возмещение вреда: а) в натуре (предоставление имущества взамен утраченного, ремонт или исправление поврежденного имущества); б) в денежной форме (возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение); в) в иных действиях виновного, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства, Пленум Верховного Суда РФ, реагируя на вопросы, возникшие при реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности — с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ), откорректировал свою позицию. Внося в 2016 г. изменения и дополнения в разъясняющий акт, Пленум, по сути, перевел рассматриваемое понятие из числа определенных в оценочные, предложив лишь общие ориентиры в установлении содержания компенсационных действий — «...любые, при условии, что они носят законный характер и не ущемляют права третьих лиц» (п. п. 2¹, 10 Постановления от 27 июня 2013 г. № 19).

Правоприменитель весьма оперативно и творчески отреагировал на новое судебное толкование одного из обязательных условий прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, усматривая в качестве заглаживания вреда самые разнообразные действия виновного. Распространенность отдельных форм позитивного посткриминального поведения виновного, признаваемых в качестве компенсационных, позволяет сделать вывод о сложившейся практике. Среди них можно выделить:

— перечисления денежных средств на счета благотворительных фондов, реабилитационных центров, организаций, оказывающих помощь наркозависимым гражданам (при отсутствии средств у подсудимого — трудовое участие), а также иных учреждений социальной направленности (детские дома, интернаты, дома престарелых и т.п.);

— размещение на интернет-ресурсах информации, пропагандирующей здоровый образ жизни, о вреде наркотиков; предупреждающей о недопустимости нарушения закона посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, публичных призывов к осуществлению

экстремистской деятельности, нарушений миграционного законодательства, а также об ответственности за соответствующие действия, нарушающие уголовный закон;

— принесение извинений перед Российской Федерацией (в зале суда или в форме письменного заявления на имя председателя суда, путем направления извинений на официальный сайт губернатора области) или перед работодателем, а также обещания в будущем не совершать новых уголовно-наказуемых деяний;

— прохождение медицинского обследования для получения документов на право управления транспортным средством или трудоустройство (по делам о преступлениях, связанных с использованием поддельных официальных документов) и прочие.

Заглаживанием вреда согласно формирующейся практике признаются и действия, свидетельствующие о деятельном раскаянии виновного («сообщил органом следствия информацию, позволившую задержать лицо, сбывающее наркотические средства», «согласился с предъявленным обвинением, при проверке показаний на месте добровольно указал на участок местности, где произошла приобретенная им конопля», «сообщил правоохранительным органам значимую информацию о реализации контрафактной алкогольной продукции», «подробно рассказал о совершенном и раскаялся в содеянном, активно способствовала расследованию преступления, участвуя в следственных действиях, давая подробную информацию, изобличающую лиц, причастных к совершению преступления» и т.п.), при этом подсудимые освобождаются от ответственности не на основании общей нормы — ч. 1 ст. 75 УК РФ или специальной, закрепленной в примечании к соответствующей статье Особенной части УК РФ, а в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ). По своему содержанию соответствующие позитивные формы посткриминального деяния виновного далеки от компенсационных и не могут оцениваться как направленные на восстановление нарушенных социальных благ и интересов. Наметившейся же правоприменительный тренд, игнорирующий поощрительный потенциал деятельного раскаяния, идет вразрез с правилами конкуренции уголовно-правовых норм, определяющими приоритет безусловных видов освобождения от уголовной ответственности перед условными (Inogamova-Negaj, 2015:141).

Отдельные суды в качестве заглаживания вреда признают: получение лицензии, необходимой для осуществления предпринимательской деятельности; прекращение занятия незаконными валютными операциями, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, создание новых рабочих мест; перечисление на счет УВД денежных средств, затраченных при производстве по уголовному делу, возбужденному на основании заведомо ложного доноса; добровольное прибытие в воинскую часть лица, самовольно оставившего место службы; добровольное перечисление денежных средств, переданных в качестве предмета взятки; устранение выявленных нарушений при оказании услуг потребителям; возвратом проигрыша лицам при незаконном проведении азартных игр и т.д. Мы разделяем прогноз А.П. Фильченко в том, что «спектр возможных действий по заглаживанию вреда виновным будет расширяться с накоплением опыта правоприменения» (Filchenko, 2019: 26). Учитывая же, что соответствующие

решения принимаются по делам о преступлениях, причиняющих вред исключительно публичным интересам, все большую актуальность приобретает вопрос оценки соразмерности (достаточности) правосстановительных действий нарушителя запретов. На сегодняшний день постановления о прекращении уголовного преследования в этой части носят уязвимый характер, вызывая вопросы относительно достаточности перечисленных средств на благотворительные цели (или объема выполненных безвозмездных работ) обвиняемым в незаконном хранении наркотических средств или в организации в занятия проституцией, изготовлении, обороте порнографических предметов (или само по себе совершение обвиняемым действий на благо общества уже дает основание для отказа от его осуждения); обоснованности адресата (суд или работодатель) принесения извинений по делам о коррупционных преступлениях; восстановительного содержания действий, связанных с прекращением криминального деяния (законный способ получения официальных документов, лицензии, дающей право на занятие предпринимательской деятельностью). Вместе с тем их устойчивость определяется исключительно судебским усмотрением, ограниченным двумя критериями — действия виновного должны носить законный характер и не ущемляют права третьих лиц. И вряд ли у заинтересованной стороны есть перспективы отмены обжалуемого решения, в котором суд усмотрел в качестве заглаживания вреда действия виновного, связанные с прекращением криминального деяния (особенно если они подкреплены публичным извинением), так как данные деяния укладываются указанные границы. Однако возникает вопрос: за что виновный освобождается от уголовной ответственности (самой строгой из всех видов юридической ответственности)? (Zvecharovsky, 2016:98—101). За то, что, будучи, по сути, избалованным, прекратил криминальный промысел, получив необходимую лицензию или официальный документ взамен поддельного или вернув взятку и т.д. Ответ, конечно, иной и кроется в затратах (судебный штраф), которые несет виновный за свое освобождение. Формально соответствуя закону, складывающееся правоприменение, на наш взгляд, подрывает авторитет уголовного закона, снижает уровень правосознания, сказывается на формировании правового нигилизма. Еще в конце XIX в. известный русский ученый-правовед И.Я. Фойницкий справедливо отмечал, «государство, пополняющее казну за счет преступлений, поступает аморально» (Foynitskiy, 1889).

Незначительный накопленный опыт применения закона не позволяет выработать универсальные критерии, позволяющие определить не только достаточные, но и минимально необходимые действия виновного для заглаживания вреда, причиненного криминальным деянием, посягающим на интересы общества и государства. А обеспечить единообразное правоприменение могут разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, исключаящие признание в качестве компенсационных действия виновного, связанные с прекращением криминального посягательства.

Широкое распространение на практике получило и признание необязательным заглаживание вреда, по делам о преступлениях с формальным составом (при отсутствии потерпевшего) (Boyarskaya, 2018:154—163; Filchenko, 2019:21—27).

Обоснование соответствующих решений сводится к следующей логической цепочке: фактическое отсутствие вреда исключает объективную возможность его возмещения, следовательно, невозможно выполнить все условия, предусмотренные ст. 76² УК РФ, что не исключает ее применение в силу отсутствия соответствующего запрета. Упречность предложенной аргументации кроется в игнорировании одного из качественных признаков преступления — общественная опасность. Выступая объективным свойством преступления, общественная опасность означает, что деяние причиняет или создает угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Обязательность и имманентность указанного признака для каждого криминализованного и фактически совершенного преступного деяния означает, что преступление всегда влечет негативные изменения общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом, т.е. вред существует вне зависимости от конструкции объективной стороны состава преступления, и вне зависимости от наличия или отсутствия потерпевшего. Не случайно и в Определении Конституционного Суд РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О¹⁵, и в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ (п. 25³ Постановления от 27 июня 2013 г. № 19), и в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК РФ) (п. 1) акцентируется внимание на том, что отсутствие в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ последствий в качестве признака состава преступления не означает, что совершение этого преступления не влечет причинение вреда или реальную угрозу его причинения. На суде же лежит обязанность оценивать достаточность предпринятых лицом, совершившим преступление, действий для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности.

В этой части следует отметить, что соответствующая оценка должна производиться и по делам о преступлениях, по которым есть потерпевший, но вред причиняется двум и более объектам уголовно-правовой охраны (преступления, связанные с нарушением требований охраны труда, правил транспортной безопасности и безопасности и при производстве различного рода работ, преступления против правосудия, коррупционной направленности и т.п.). Решение об освобождении виновного от уголовной ответственности по данной категории дел может быть принято только при условии возмещения ущерба, причиненного конкретному лицу, а также заглаживания вреда, причиненного интересам общества и государства. На практике же суды крайне редко акцентируют внимание на негативных последствиях многообъектных криминальных посягательств, не усматривая препятствий для прекращения уголовного преследования по ст. 76² УК РФ, установив соответствующее согласие потерпевшего, не имеющего претензий в части возмещения вреда.

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисии Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».

Проведенный в ходе исследования анализ свидетельствует о том, что выявленное изменение судебного толкования «заглаживание вреда, причиненного преступлением» кроется не столько в перманентном реформировании института освобождения от уголовной ответственности, сколько в стремлении правоприменителя существенно расширить реализацию норм, предусматривающих прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. При этом в качестве приоритетного направления развития правоприменительской практики выступают не только компенсационные интересы, но и фискальные.

Трансформация законодательного определения восстановительного механизма из карательного в поощрительной повлекла как расширение спектра действий, оцениваемых в качестве заглаживания вреда, так и увеличение интересов, по которым допускается заглаживание причиненного вреда. Осознавая необратимость и невозможность компенсации вреда, причиненного публичным интересам, законодатель обременяет вновь водимые виды освобождения от уголовной ответственности дополнительными «выплатами» (ст. 76¹ УК РФ — двукратные выплаты) и «штрафами» (ст. 76² УК РФ — судебный штраф).

При этом на законодательном уровне никаких препятствий на перевод невозможного вреда в некую оплату нет. Напротив, возмещение виновным вреда рассматривается как позитивное посткриминальное поведение, а нормы, допускающие улучшение положения субъекта уголовно-правовых отношений в связи с возмещением вреда, обычно именуется поощрительными (хотя, конечно, поощрение в уголовном праве — это нонсенс, такие нормы в теории права именуются стимулирующими). Но суть одна — при осуществлении определенных выплат (и вовсе не обязательно конкретному потерпевшему) положение виновного лица улучшается.

Изложенное подтверждает прогнозы А.Э. Жалинского в отношении экономического подхода к уголовному правотворчеству (Zhalinsky, 2009:186). Видный отечественный ученый еще в начале века отмечал, что все имеет цену, в том числе и преступность, значит, имеет цену и наказание, и уголовное дело (в смысле процесс расследования и отправления правосудия), и уголовная ответственность. Следовательно, и освобождение от уголовной ответственности может иметь цену. Практика сегодняшнего дня актуализирует вопрос реальной оценки уголовной ответственности и критериев ее соотношения: с сэкономленными ресурсами государства или с причиненным вредом.

Заключение

Ретроспективный анализ дореволюционного законодательства свидетельствует о последовательной трансформации правосстановительных санкций: частные вознаграждения мстителем за утраченное ими право кровной мести и денежные взыскания в пользу пострадавших («истцу за обиду») постепенно вытиснились финансовыми требованиями публичного характера (первоначально взыскиваемых в доход представителей власти, позднее — в государственную казну). Заложив основу для формирования имущественных наказаний, компенсационные выплаты нарушителя запретов к середине XIX в. были выведены из числа исключительно карательных, занимая место в системе стимулирующих норм.

Первые советские кодифицированные акты вернулись к репрессивному содержанию реституционных действий виновного, относя их к числу уголовных наказаний. УК РСФСР 1960 г. отнес компенсационные действия нарушителя запретов и к числу карательных, и к стимулирующим мерам, обеспечивая полное и добровольное возмещение вреда, причиненного преступлением. При этом исключалась денежная компенсация вреда, причиненного публичным интересам, чести и достоинству советского гражданина.

Современное уголовное законодательство отводит компенсационным действиям виновного стимулирующую роль. Наиболее широко частно-правовые интересы реализованы в статьях, определяющих основания и условия освобождения от уголовной ответственности, перечень которых постоянно расширяется, при этом снижается требовательность к постриминальному поведению обвиняемого, компенсируемая фискальным содержанием новых норм, предусматривающих выплату денежного возмещения в качестве основания прекращения уголовного преследования (ст. 76¹ УК РФ) или судебного штрафа, как гарантии окончательности решения о прекращении производства по делу (ст. ст. 76², 104⁴, 104⁵ УК РФ).

Выявленная законодательная трансформация уголовно-правового значения реституционных действий виновного заложила основу для переоценки правоприменителем их содержания. Так, перемещение «возмещения ущерба» из числа мер государственного принуждения в форму поощрения, определило: 1) признание на практике необязательным исключительно личного участия нарушителя в заглаживании вреда; 2) перевод рассматриваемой дефиниции из числа определенных в оценочные.

Критически оценивая формирующуюся практику в новом направлении, авторы поднимают вопросы оправданности освобождения виновных от уголовной ответственности, лично ничего не сделавших для государственного прощения, выведения из сферы уголовных правоотношений лиц, организовавших криминальные посягательства, а также обоснованности отнесения судами к заглаживанию вреда, действий обвиняемых, далеких по содержанию от компенсационных.

В работе обосновывается вывод о том, что исключительно судебское усмотрение в определении заглаживании вреда (ограниченное требованиями законности действий виновного и не ущемления права третьих лиц), таит не только коррупционные риски, но и угрожает единообразному применению закона, что может повлечь отступление от принципов уголовного права.

Незначительный накопленный опыт применения закона не позволяет выработать универсальные критерии, позволяющие определить не только достаточные, но и минимально необходимые действия виновного для заглаживания вреда, причиненного криминальным деянием, посягающим на интересы общества и государства. А оперативному устранению дефектного правоприменения могут способствовать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, исключающие признание в качестве компенсационных действия виновного, связанные с прекращением криминального посягательства, а также образующих по содержанию деятельное раскаяние.

Наметившееся экономический подход к уголовному правотворчеству и правоприменению таит доступность освобождающих норм только для состоятельных обвиняемых, способных оперативно возместить любой ущерб и заплатить государству за свое прощение.

References / Список литературы

- Abashina, L.A. & Minakov, G.L. (2018) Judicial fine — a new other measure of a criminal-legal nature. *All-Russian criminological journal*. 12 (2), 266—274. (in Russian).
Абашина Л.А., Минаков Г.Л. Судебный штраф — новая иная мера уголовно-правового характера // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. № 12 (2). С. 266—274.
- Anoschenkova, S.V. (2017) Appointment of a court fine: questions of theory and practice. *Journal of Russian law*. (7), 114—125. https://doi.org/10.12737/article_59522f98a00977.62119826 (in Russian).
Анощенкова С.В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // *Журнал российского права*. 2017. № 7. С. 114—125. https://doi.org/10.12737/article_59522f98a00977.62119826
- Anoschenkova, S.V. (2014) Restorative and compensatory function of criminal law. *Library of criminal law and criminology*. 3, 56—66. (in Russian).
Анощенкова С.В. Восстановительно-компенсационная функция уголовного права // *Библиотека уголовного права и криминологии*. 2014. № 3. С. 56—66.
- Antonov, A.G. (2013) Exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity. *Russian Justice*. (5), 20—25. (in Russian).
Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // *Российская юстиция*. 2013. № 5. С. 20—25.
- Bazemore, G. & Schiff, M. (1996) Community Justice/Restorative Justice: Prospects for a New Social Ecology for Community Corrections. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*. 20 (2), 311—334.
- Boyaraskaya, A.V. (2018) Judicial fine: problems of the substantive basis and law enforcement. *Law enforcement*. 2(1), 154—163. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(1\).154-163](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(1).154-163) (in Russian).
Боярская А.В. Судебный штраф: проблемы материально-правового базиса и правоприменения // *Правоприменение*. 2018. Т. 2. № 1. С. 154—163. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2\(1\).154-163](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2018.2(1).154-163)
- Chistyakov, O.I. (ed.) (1984) *Russian legislation of the X—XX centuries*. In 9 vol. Vol. 2: Legislation of Ancient Rus. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. 694 с.
- Chistyakov, O.I. (ed.) (1988) *Russian legislation of the X—XX centuries*. In 9 vol. Vol. 6: Legislation of the first half of the XIXth century. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ. (in Russian).
Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. 431 с.
- Chistyakov, O.I. (ed.) (2001) *History of domestic state and law. Part I: Textbook*. 3rd ed., Perab. and add. Moscow, Jurist Pubk. (in Russian).
История отечественного государства и права: учебник. Ч. I / под ред. О.И. Чистякова. 3-е изд., пераб. и доп. М.: Юрист, 2001. 386 с.
- Foynitskiy, I.Ya. (1889) *The doctrine of punishment in connection with prison science*. Saint Petersburg, Printing house of the Ministry of Railways Publ. (in Russian).
Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1889. 503 с.

- Feld, B. (1990) The Punitive Juvenile Court and the Quality of Procedural Justice: Disjunctions between Rhetoric and Reality. *Crime & Delinquency*. (36), 443—466.
- Filchenko, A.P. (2019) Compensation for damage and mitigation of harm as a condition for exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. *Advocacy practice*. (4), 21—27. (in Russian).
Фильченко А.П. Возмещение ущерба и заглаживание вреда как условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Адвокатская практика. 2019. № 4. С. 21—27.
- Gal, T., Dancig-Rosenberg H. (2020) Characterizing multi-door criminal justice: A comparative analysis of three criminal justice mechanisms. *New Criminal Law Review*. 23(1), 139—166. <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.1.139>
- Gertsenzon, A.A., Durmanov, N.D., Isayev, M.M. & Man'kovskiy, B. et al. (1938) Criminal law. A common part. Moscow, NKJ of the USSR Publ. (in Russian).
Уголовное право. Общая часть: учебник / Герцензон А.А., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Маньковский Б. и др. М.: НКЮ СССР, 1938. 408 с.
- Golovko, L.V. (2002) *Alternatives to criminal prosecution in modern law*. Saint Petersburg, Legal Center Press. (in Russian).
Головко Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юридический центр пресс, 2002. 544 с.
- Inogamova-Khegai, L.V. (2015) *Conceptual foundations of competition in criminal law: monograph*. Moscow, NORMA Publ., INFRA-M Publ. (in Russian).
Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.
- Karabanova, E.N. & Tsepelev, K.V. (2016) Stimulating the accused to compensate for the harm caused by the crime: problems and prospects. *Russian Justice*. (5), 24—27. (in Russian).
Карabanова Е.Н., Цепелев К.В. Стимулирование обвиняемого к возмещению причиненного преступлением вреда: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 24—27.
- Kaufman, M.A. (2021) On the issue of the grounds for exemption from criminal liability // *Journal of Russian law*. (1), 143—156. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.012> (in Russian).
Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143—156. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.012>
- Khlebnitsyna, E.A. (2017) Functions of the norms providing for exemption from criminal liability with the appointment of a court fine. *Russian judge*. (7), 33—36. (in Russian).
Хлебницына Е.А. Функции норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Российский судья. 2017. № 7. С. 33—36.
- Kostroma, M.B. (2017) Criminal legal mechanisms of a compensatory nature as one of the trends in the “economically oriented” criminal policy of Russia. *Criminal Law*. (4), 73—79. (in Russian).
Кострова М.Б. Уголовно-правовые механизмы компенсационного характера как один из трендов «экономико-ориентированной» уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 73—79.
- Lanterman, J.L. (2019) Training partner selection and quality assurance in restorative justice for the criminal justice setting. *Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social, and Restorative Justice*. 23(4), 544—562. <https://doi.org/10.1080/10282580.2019.1700369>
- Lopashenko, N.A. (2017) Reducing the repressiveness of criminal law: proposed measures and their assessment. *Criminal law*. (4), 84—93. (in Russian).
Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84—93.
- Makarova, O.V. (2015) Exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity. *Journal of Russian law*. (1), 111—118. (in Russian).

- Макарова О.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 111—118.
- Mallet, M.L. (2018) Alternative Dispute Resolution forms: a Transformation of the Judicial Ritual to Criminal Law. The Example of Criminal Mediation. *Onati socio-legal series*. 8(3), 363—385.
- Malysheva, O.A. (2020) Prospects for compensation to victims of harm caused by a crime. *Bulletin of the Tomsk State University*. 450, 226—233. (in Russian).
- Мальшеева О.А. Перспективы возмещения потерпевшим вреда, причиненного преступлением // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 450. С. 226—233.
- Pudovochkin, Yu.E. (2020) Socio-criminological characteristics of exemption from criminal liability. *All-Russian criminological journal*. 14(4), 581—592. (in Russian).
- Пудовочкин Ю.Е. Социально-криминологическая характеристика освобождения от уголовной ответственности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 14 (4). С. 581—592.
- Severson, M.M. (1995) Social-work and the pursuit of justice through mediation. *Social work*. 40(5), 683—691.
- Shargorodsky, M.D. (2003) Selected works on criminal law. Saint Petersburg, Legal Center Press Publ. (in Russian).
- Шаргородский М.Д. Избранные труды по уголовному праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 570 с.
- Skipchenko, N.Yu. (2017) Judicial Fine: Problems of Implementation of Legislative Novels. *Journal of Russian Law*. (7), 106—114. (in Russian).
- Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106—114.
- Soloviev, O.G. & Knyazkov, A.A. (2012) On exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity (article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. (7), 80—82. (in Russian).
- Соловьев О.Г., Князьков А.А. Об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (статья 76.1 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 7. С. 80—82.
- Stepanova, I.B. & Sokolova, O.V. (2017) Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine: problems and prospects. *Criminal law*. (3), 74—79. (in Russian).
- Степанова И.Б., Соколова О.В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: проблемы и перспективы // Уголовное право. 2017. № 3. С. 74—79.
- Tagantsev, N.S. (1994) *Russian criminal law: lectures*. Part General. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
- Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1994. 480 с.
- Tulkens, F. (1993) Les transformations du droit penal aux Etats-Unis. Pour un autre modele de justice. Nouveaux itinéraires en droit. *En hommage à François Rigaux*. Bruxelles, Bruylant. P. 461—493. (in France).
- Vetoshkin, S.A. (2017) On the accuracy of legal formulations associated with criminal penalties and Russian criminal law policy. *Actual problems of Russian law*. (10), 152—158. (in Russian).
- Ветошкин С.А. О точности юридических формулировок, связанных с уголовными наказаниями, и российской уголовно-правовой политике // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10. С. 152—158.
- Yankah, E.N. (2020) The right to reintegration. *New Criminal Law Review*. 23(1), 74—112. <https://doi.org/10.1525/nclr.2020.23.1.74>
- Zvecharovsky, I.E. (2016) On the legal nature of the court fine (Articles 76², 104⁴ of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal law*. (6), 98—101. (in Russian).

Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76², 104⁴ УК РФ). Уголовное право. 2016. № 6. С. 98—101.

Zhalinsky, A.E. (2009) *Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis*. 2nd ed., Rev. and add. Moscow, Prospect Publ. (in Russian).

Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.

Zubkov, A.I. (ed.) (1997) *Criminal executive law of Russia. Textbook*. Moscow, INFRA group Publ. M-NORMA Publ. (in Russian).

Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. А.И. Зубкова. М.: Издат. группа ИНФРА. М-НОРМА, 1997. 310 с.

Об авторах:

Скрипченко Нина Юрьевна — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; 163002, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

ORCID ID: 0000-0003-2445-2231; SPIN-код: 9849-8083

e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

Анощенкова Светлана Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминалистики и криминологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва; 430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

ORCID ID: 0000-0002-2045-9236; SPIN-код: 0356-4356

e-mail: anoshenkovas@list.ru

About the authors:

Nina Yu. Skripchenko — Doctor of Legal Sciences, Full Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17 nab. Northern Dvina, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0003-2445-2231; SPIN-code: 9849-8083

e-mail: n.skripchenko@narfu.ru

Svetlana V. Anoshchenkova — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminalistics and Criminology of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogareva; 68 st. Bolshevik, Saransk, Republic of Mordovia, 430000, Russian Federation.

ORCID ID: 0000-0002-2045-9236; SPIN-code: 0356-4356

e-mail: anoshenkovas@list.ru